

Сергей
ГОЛУБИЦКИЙ
специально
для «Новой»

Летом в Сахаровском центре спорили о цифровых правах. Тема одной из встреч — «Новая цифровая антиутопия: чему Китай может научить мир», — на мой взгляд, обладает для нашей страны удивительным свойством *обратной актуализации*, в том смысле, что чем глубже мы погружаемся в новую реальность, тем востребованнее становится китайский социальный эксперимент.

С одной стороны, мы наблюдаем снижение уровня взаимопонимания между российским обществом и властью, с другой — интенсификацию усилий государства, направленных на создание новой цифровой реальности по китайской модели: проверка и фильтрация сетевых пакетов по содержанию, блокировка «неправильных» сайтов, разработка мер по самоизоляции Рунета, наконец, создание национальной системы управления данными, которая предположительно к 2022 году сведет воедино более 800 государственных реестров и баз — от Федерального регистра населения до реестра недвижимости и транспортных средств, медицинской информации, налоговых сведений и т.п.

Картина вырисовывается вполне оруэлловская, даже с поправкой на традиционный российский *ноншалант*, который на ранних этапах, безусловно, мешает реализации и эффективному использованию Big Data — главного оружия Нового мирового порядка.

В любом случае в отношении общества и государства приходится констатировать наступление новой эры, воспринимавшейся до последнего времени то ли технологической шуткой, то ли каналом для откатов. Не менее важно осознать и *универсальность* нового этапа в отношении общества и государства. Это не китайское изобретение, не российское и даже не американское, хотя именно в Америке эти процессы были запущены 11 сентября 2001 года. Сегодня контроль над сетевым трафиком, цензурирование дискурса и массовый сбор частных данных граждан ведется как корпорациями, так и государственными структурами повсеместно — от США, России и Китая до Дании, Швеции и Турции. Это *новая реальность*, и нужно как-то учиться ее воспринимать.

Сегодня мне бы хотелось затронуть лишь один частный аспект новой реальности, а именно — феномен китайской «системы социального рейтинга» (далее по тексту — ССР), причем исключительно в плане перспектив его адаптации в России.

Вопрос этот мне кажется чрезвычайно актуальным еще и потому, что в нашем обществе доминирует иллюзия, которую, признаюсь, я также разделял до последнего времени. Считается, что ССР в России не приживется, потому что русский народ хоть и своеобразный, но все-таки европейский, и экстаз от хождения строевым шагом давно перерос.

В начале 2018 года я анализировал в «Бизнес журнале» перспективы создания «Золотого щита» (глобального файрволла) в России по образу и подобию китайской модели («Золотой щит России»). Позволю самоцитату: «Принято считать, что между русскими и китайцами пролегает неодолимая поведенческая и ментальная пропасть, которая якобы не позволит реализовать «Золотой щит» в России с таким же успехом, что и в Поднебесной.

О каких отличиях идет речь? В социологической китайский и русский менталитеты хорошо описаны и изучены,

поэтому будет несложно привести сравнение ключевых характеристик, важных для прогнозирования отношения народа к информационной цензуре (таблица отражает авторские взгляды на национальные менталитеты).

Параллелей в национальном менталитете больше, чем расхождений. Это легко объясняется коммунальной и замкнутой природой русского и китайского общества, тяготами исторических испытаний и невысоким уровнем материального благополучия. Единственное отличие, наделенное потенциалом активного сопротивления цензуре в интернете, выступает важность *этических ценностей* для русского человека.

Российское государство замечательно осведомлено об особенностях своих подданных, поэтому все свои действия предвзвешивает созданием мощного морально-нравственного фундамента. Политика России нового времени выстраивается на идее «защиты традиционных ценностей» и «исторических, духовных и патриотических традиций». Пафос поведения власти: мы хотим строить наш собственный Русский мир, основанный не на сомнительном диктате сексуальных меньшинств, разрушении нравственности и ювенальной полиции, а на принципах «жизни по правде».

Тогда, в начале 2018 года, я сделал вывод, что «если будет принято решение о строительстве «Золотого щита России», призванного оградить русские «традиционные ценности» от «тлетворного влияния Запада», большинство населения страны поддержит эту инициативу.

При этом у меня оставались сомнения в целесообразности реализации «Золотого щита»: «Изолируем Рунет от мира и... что дадим взамен? Где русские аналоги Baidu, Baikai, Qiyi, Taobao, WeChat, Alipay, Alibaba? Где полноценные альтернативы Twitter, YouTube, Aliexpress, Amazon, Apple Music? Самое главное: где адекватная замена колоссального потока материальных благ, практически на 100% поступающего «из-за бугра»? Где российские макбуки, айфоны, айпады, не говоря уж про мерседесы, тойоты и рендж роверы?»

Сравнительные социокультурные характеристики китайского и русского народов

жизнестойкость
дисциплинированность
предельная неприхотливость
коммунальность
высокая коммуникабельность
низкая агрессия
приоритет «своего», неуважительное отношение к чужому
трудолюбие
отсутствие инициативности
отсутствие любопытства
прагматичность
шаблонность мышления
приоритет интересов, связанных с материальным миром
доминирующая мотивация: выживание и материальное благосостояние

жизнестойкость
недисциплинированность
предельная неприхотливость
коммунальность
низкая коммуникабельность
низкая агрессия
уважительное отношение к незнакомым людям
трудолюбие
отсутствие инициативности
высокое любопытство
непрагматичность
оригинальность мышления
высокий приоритет этических ценностей («по совести», «по понятиям»)
доминирующая мотивация: выживание и материальное благосостояние

Рейтинг для Китеж-Града и цифровые права его граждан

Как китайские технологии будут работать в России: цензура или инициатива масс

Привлекательных товаров нет, массовых сервисов нет. Есть нефть. Есть газ. Есть цензура. Всё. Как в подобных условиях прикажете изолировать Рунет? Вернее, ради чего? Что мы будем «экономически защищать»? Какое цифровое «импортзамещение»? Яндекс, Йотафон, и антивирус Касперского? В общем,

можно спастись спокойно: «Золотого щита России» не будет».

С момента написания этих строк прошло полтора года, и строительство «Золотого щита» уже идет полным ходом. Как и ожидалось, при молчаливом одобрении большинства населения. Поскольку полноценных аналогов китайских сервисов в местном исполнении как не было, так и нет, можно предположить, что строительство «Золотого щита» ведется не ради защиты каких-либо духовных ценностей, а по сугубо оборонительным соображениям. На мой взгляд, это недалековидно, и главное — бесперспективно для власти.

Предлагаю теперь применить совокупность озвученных аргументов к феномену ССР и посмотреть, каковы шансы реализации еще и этого китайского изобретения в России.

Во избежание разночтений сведу воедино информацию, адекватно описывающую систему социального рейтинга. Для этого использую тезисы, прозвучавшие во время дискуссии в Сахаровском центре, поскольку мне они представляются точными и концентрированными.

Под китайским социальным рейтингом понимается совокупность на сегодняшний день все еще разрозненных и несистематизированных экспериментов, которые начались в корпоративной культуре Китая, а затем были поддержаны и расширены государством.

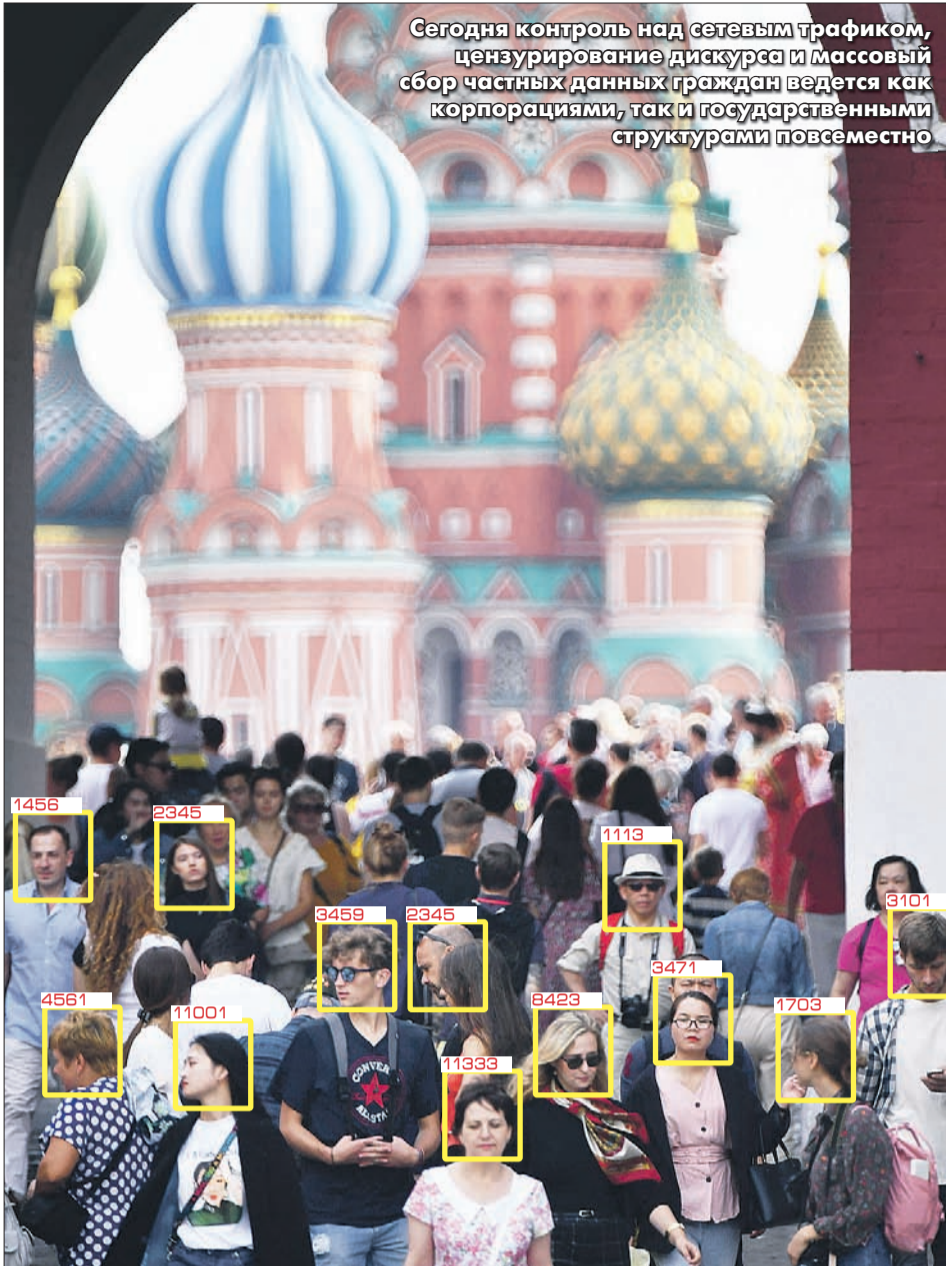
Китайский бизнес преследовал изначально сугубо деловые цели, заимствованные, между прочим, из европейской традиции. В частности, его привлекала перспектива создания системы надежного слежения за кредитной историей граждан.

Китайское государство «расширило естественный функционал рейтинга» (цитирую Михаила Коростикова, обозревателя «Коммерсанта») на бытовое поведение граждан (скандалы в общественных местах и транспорте, семейные конфликты, структура траг и доходов, паттерны потребления и т.п.).

Основной мотив китайской власти для подобного «расширения функционала» — желание купировать в обществе *социальную напряженность*, которая постоянно

Сегодня контроль над сетевым трафиком, цензурирование дискурса и массовый сбор частных данных граждан ведется как корпорациями, так и государственными структурами повсеместно

РИА Новости

возникает из-за традиционного отсутствия доверия китайцев друг к другу.

Однако в воображении отечественной (и шире — западной) либеральной интеллигенции начали всплывать картины, навеянные ужасами истории XX века: тайная и истинная цель китайской власти — не оказывать влияние на злостного неплательщика по кредитам, не наказывать за драки в общественном транспорте, не предотвращать разводы и частую смену работы, а следить и наказывать тех, кто не читает цитатник Си Цзиньпина и не поддерживает политику родной партии и правительства.

При этом из вида выпускаются два важных момента. Во-первых, ССР разрабатывается и используется не для наказания, а для социального поощрения. То есть происходит не ущемление в правах относительно нормы, а ущемление относительно привилегий. Так низкий социальный рейтинг ведет не к тому, что у тебя отнимут кусок хлеба или бросят в застенки, а к тому, что ты не получишь кредит на льготных условиях, а китайские госкомпании не продадут со скидкой авиабилет для отпуска в Таиланде и т.д.

Именно поощрительный, а не репрессивный аспект ССР заставляет усомниться в правомочности параллелей, которые принято проводить с советским 37-м годом. Аналогия — штука в принципе опасная, а в конкретном случае еще и неуместная: уж поверьте, в арсенале государств с историческим опытом Китая или России достаточно средств для подавления инакомыслия и без системы социального рейтинга.

Второй момент, который наш брат, либеральный интеллигент, упускает из вида при оценке ССР, — это массовая поддержка эксперимента самим населением Китая. Народ рейтинг поддерживает, потому что для него это не тоталитарная система контроля, а защита от мошенников и хамов в бытовой жизни.

В выступлении Михаила Коростикова меня больше всего впечатлила история о массовых прецедентах, когда пассажиры, проехавшие свою остановку, вырывали из рук водителя руль, требуя посадить их постфактум. Если бы я не имел счастья ежегодно лицезреть китайцев в Таиланде, наверное, не поверил бы.

Наконец, последний факт, важный для мысленного эксперимента с экстраполяцией социального рейтинга на русскую почву, — это изложенная в ходе дискуссии социологом Александром Бикбовым история о том, как собираются приватные данные в Скандинавии. Оказывается, в этих благословенных странах власть собирает и знает о своих гражданах такую подноготную (например, генеалогию, прослеженную в глубь веков насколько позволяют записи в приходских книгах, или все наказания, когда-либо назначенные, начиная

« В национальном эгрегоре России доминируют два фетиша — справедливость и недоверие к власти. И то, и другое уходит, похоже, к самым истокам государственности »

со школьной скамьи, или лекарства, когда-либо прописанные доктором или купленные в аптеках), что никакой китайской «Алибабе» и ЦК КПК даже не мечталось.

Посмотрим теперь, каковы шансы ССР прижиться на русской земле. Во время дискуссии в Сахаровском центре редактор отдела политики «Новой газеты» Кирилл Мартынов сказал, что большинство из нас не хотело бы жить в современном Китае или современной России, потому что у нас иные ценности, нам хотелось бы иметь что-то вроде открытого конкурентного общества с демократическими институтами и свободой прессы. Что-то вроде Германии.

Я согласен, но с важной оговоркой: это нужно именно что нам. Вот только мы (те, что с университетским образованием, знанием иностранных языков и менталитетом, испорченным обильными путешествиями по миру) — это в лучшем случае «малый народ», обитающий внутри «большого народа». И, поверьте, евреи с Шафаревичем тут ни

при чем: этой трагической схизме в русском обществе без малого 320 лет.

Проблема в том, что «большой народ» России не захотел бы жить в Германии ни за какие коврижки. Не потому, что боится иностранных языков и тяжел на подъем. А потому, что для «большого народа» приоритетна материя, а не идея. Тем более что это универсальная закономерность, а не русская специфика.

Материя — это безопасность на улице (в самолете, автобусе, кинотеатре), это полный холодильник, это обутые и одетые дети, это доступное образование и медицина. А идея — это совокупность гражданских свобод (слова, прессы, собраний), это неприкосновенность личности, это права меньшинства (любого: от малочисленной фракции в парламенте до ЛГБТ-сообществ).

Никогда в истории «большой народ» не жертвовал материей ради идеи. По этой, кстати, причине ни одна революция в истории не совершалась ради идеи. Идеями питались вожди-фанатики. Для того чтобы поднять «большой народ» на великую смуту, приходилось идти на ухищрения и находить (на худой конец — нагло выдумывать) сугубо материальные поводы: от протухших шей в камбузе броненосца до засеченного до смерти холопа на барском дворе.

Китайцы положительно относятся к системе социального рейтинга не потому, что они китайцы, а потому, что видят в ней прямую для себя материальную выгоду, общественный порядок, гармонию, покой и удобство.

Есть, однако, в русской фактуре еще одно обстоятельство, создающее для социального рейтинга на местной почве дополнительные преимущества.

В национальном эгрегоре России (да простят мне читатели эзотерическую терминологию, но лучшего слова в данном контексте не подобрать) доминируют два фетиша — справедливость и недоверие к власти.

И то, и другое уходит, похоже, к самым истокам государственности — от приглашения варягов на царствование до Золотой Орды.

Система социального рейтинга прекрасно вписывается в народную одер-

лочку-выручалочку, а именно: удивительную идею о том, что Власть и Государство не являются синонимами.

Идеализированный образ Государства, освященного фетишем справедливости, воплощен в русской Атлантиде — Китеж-Граде. Вот только Китеж-Град пребывает в воображении, поэтому для реальной жизни нужен действенный паллиатив. И такой паллиатив мы находим в еще одной потрясающей формуле: «Государство — это государь»!

Китеж-Град = Государство = государь формирует положительный полюс в русском эгрегоре. Откуда же тогда берется Зло в жизни общества? От Власть! Знаете почему? Потому что Власть — это не Государство и не государь. Власть — это бояре.

Всякий беспредел, творимый на местах и в центре, — это не продукт Государства и государя, а продукт Власть бояр (боярский беспредел). А вот Государство-государь — это защитник народа, защитник русского эгрегора и национального самосознания.

Эти невероятные перипетии духа создают предпосылки для двух возможных сценариев реализации ССР в российском обществе. Напоминаю, что мы исходим из представления о том, что социальный рейтинг — это «инструмент для упорядочивания жизни общества и достижения утопии справедливости».

Первый путь. ССР вводится под эгидой государя. На уровне метафоры вариант привлекательный, однако утопичный в плане практической реализации. Народ хоть и считает государя персонификацией справедливого Государства (Града Китежа), однако осознает, что речь идет все же о живом человеке. Государь не может за всем уследить, поэтому неизбежно делегирует имплементацию ССР Власть (боярам), а те уж не преминут любое доброе начинание обернуть себе в авантаж. В итоге ССР закончится тем, что и всё остальное в нашей жизни: беспределом и отсутствием справедливости.

Второй путь. ССР вводится под эгидой «мира» — еще одной палочки-выручалочки из запасников национального эгрегора. «Мир» — это третий субъект русской жизни наряду с Властью (боярами) и Государством (государем). У «мира» исторически было две функции: пассивно давать реальности морально-этическую оценку и — в судьбоносные периоды истории — спасать Государство (государя). Чем, нужно сказать, русские государи всегда успешно пользовались — от князей и царей до генсеков.

Одним словом, если и есть у социального рейтинга в России исторический шанс, то он появится лишь в том случае, если эту систему станут внедрять всем «миром», то есть по инициативе снизу. В идеале, при благословении и освящении государем. Да еще и на распределенном децентрализованном инклюзивном блокчейне.

О, как бы мне хотелось здесь поставить точку и завершить красивую утопию на возвышенной ноте.

Увы, не получится. Потому что, как только дело дойдет до вопроса регуляции по результатам социального рейтинга, то есть до непосредственного исполнения поощрений и наказаний, сразу же возникнет потребность в структуре, уполномоченной раздавать пряники и стегать кнутом. Проблема в том, что по Конституции вторая функция делегирована исключительно Власть. То есть боярам. А те, получив право маслить и выволакивать, мигом развернут такую бурную деятельность, что...

Короче, опять ничего не получилось. Ну да не страшно: попытка, ведь, не пытка, не так ли, Лаврентий Павлович? По крайней мере, у нас вышел сочный сиквел великой комедии, в которой Иван Васильевич меняет профессию, на сей раз — в эпоху Deep Fake, Post Truth и криптовалют.